

"Итак, я думаю, вы понимаете, почему мне немного более чем интересно, кто вы и почему моя семья, в частности мой сын, имеет для вас большое значение". Джеймс закончил фразу, устремив на него пристальный взгляд.

Гарри мог только смотреть на него, в голове у него крутился подтекст того, что ему только что сказали. Он понятия не имел, как такое возможно, но из того, что описал Джеймс, следовало, что Гарри из этой временной линии снится, а точнее, снится в кошмарах, его временная линия, его жизнь в частности. Джеймс описал события первого, второго, третьего, четвертого и пятого годов обучения в Хогвартсе и упомянул о гораздо более мрачных годах, которые последовали за этим, - годах, о которых ни один ребёнок не должен видеть сны.

Гарри провел рукой по лицу. Он даже не хотел задумываться о том, свидетелем каких событий из своего прошлого мог быть его двойник. Настоящее насилие. Гарри насмешливо хмыкнул. Это еще мягко сказано. Последние шесть лет его жизни были кровавой бойней - мрачным, безнадежным и опустошенным периодом в истории волшебников для всей Европы. Неудивительно, что мальчик боялся почти каждой мелочи. В то время как он сам жил этим и был вынужден смотреть в лицо происходящему вокруг и справляться с тем, что он испытывал, ребенок знал только ужасы своих кошмаров и, без сомнения, был преследуем образами, которые заполняли его сознание по ночам.

"Некоторые из вопросов, которые вы задавали, и некоторые из ответов, которые вы давали..." Джеймс многозначительно замолчал.

"Ты веришь, что я тот, о ком он мечтает", - сказал Гарри, наконец поняв, что Джеймс думает, что знает.

"Правда?" прямо спросил Джеймс.

Гарри коротко кивнул. Отрицать это было бессмысленно. Какая бы чертова магия ни действовала, он, как обычно, был в ее центре. Он не знал, почему и как сын этого человека увидел его во сне, но не сомневался, что это правда и что он действительно тот, о ком мечтал Гарри.

"Сначала он говорил о вас, как будто вы и он - одно целое. После того как мы в первый раз поместили его в больницу Святого Мунго, он начал различать вас двоих и стал называть вас Гарри. Хотя..." Джеймс заколебался, выглядя немного настороженным. "Через некоторое время он стал называть вас Гарри и Портье попеременно и, в конце концов, остановился на том, чтобы называть вас Портье. Целитель Штраус обеспокоен тем, что у него постепенно развивается диссоциативное расстройство личности, чтобы справиться со снами. Он считает, что однажды Портер выйдет из его снов и войдет в его реальность".

"Но вы в это не верите". Гарри видел это по глазам мужчины. Джеймс ни на секунду не поверил, что его сын сошел с ума.

"Гарри не пытается отрешиться от своих снов". Джеймс поморщился. "Его сны слишком реальны для него, и он принимает их как таковые. Он говорит Лили и целителям, что знает, что его сны не реальны и что это всего лишь сны, чтобы они оставили его в покое, но несколько раз, когда мы с ним говорили о его кошмарах, он смотрел мне в глаза и говорил, что ты реальна и что мир, в котором ты живешь, реален. Он говорит это с такой убежденностью, что мне трудно не поверить ему".

"Насколько я знаю, я настоящий, и место, откуда я пришел, тоже настоящее", - сказал Гарри, начиная чувствовать себя совершенно ошеломленным всей этой ситуацией. Он был далеко не в

своей тарелке - далеко, далеко не в своей тарелке. Если бы дело заключалось в том, чтобы найти проклятие, которым поразил его Драко, и подобрать контрпроклятие, способное отменить его действие, все было бы просто замечательно. Однако с учетом того, что открыл ему Джеймс, у него начало складываться впечатление, что все гораздо сложнее, чем проклятие и его контрпроклятие. Не говоря уже о том, что он не имел ни малейшего представления о том, где находится Гарри, в чьем теле он сейчас обитает. Логично было предположить, что раз он поселился в теле, принадлежавшем Гарри, то Гарри поселился в его теле - мысль не слишком утешительная, поскольку его тело было в смертельной опасности, когда он его покинул.

Он возненавидит меня, - в отчаянии подумал Гарри, глядя на Джеймса, который в ответ умозрительно смотрел на него. Если Гарри умер из-за того, что я пришел сюда, а Гарри оказался там, где должен быть я, он меня возненавидит. К черту, если я еще не сказал достаточно родителям, что их ребенок мертв.

Гарри опустил глаза к полу, выпустив дрожащий глоток воздуха, который он и не подозревал, что держал в руках, и откинулся в кресле, запустив руки в волосы на затылке и упершись локтями в колени. При мысли о том, что могло случиться с его коллегой, его затошнило. Вполне вероятно, что проклятие Драко, или падение, или само чертовски неустойчивое здание - если, конечно, это произошло, - могли уничтожить его коллегу в течение нескольких секунд после того, как они поменялись телами. Желчь готова была подняться в горле при мысли о том, что невинный мальчик, который и так уже достаточно пострадал из-за него, поменялся с ним местами в смерти - что, по какому-то нелепому стечению обстоятельств, он снова выжил, хотя не должен был, и кто-то другой снова заплатил за это требуемую цену.

Гарри услышал, как Джеймс встал с кровати, но не поднял на него глаз. Вместо этого он упорно смотрел в пол, пока Джеймс сокращал расстояние между ними и опускался перед ним на колени. Рука Джеймса, опустившаяся на его плечо, испугала его, заставив рефлексивно напрячься.

На мгновение между ними воцарилось молчание, Джеймс не убирал руку. Гарри заставил себя расслабиться, поняв, что этот жест был поддерживающим. Когда напряжение покинуло его тело, Джеймс слегка сжал его плечо, успокаивая.

"Это... сложная... ситуация", - сказал Джеймс, его голос был мягким. "Я понимаю, что не каждый день ты просыпаешься и обнаруживаешь себя в неузнаваемом мире, который совсем не похож на твой собственный. Могу только представить, как это вас огорчает. Однако, чтобы разрешить ситуацию, я... мы должны оставаться объективными".

<http://tl.rulate.ru/book/114338/4420804>